

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

ОБ ОДНОМ «БАЛКАНИЗМЕ» В ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И В БАЛКАНО-ТУРЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

В связи с активным развитием балканистики внимание специалистов по балканским языкам все более привлекают тюркские языки Балканского полуострова и их отношение к балканскому языковому союзу¹. Этой теме был посвящен доклад С. Б. Бернштейна на I Международном конгрессе балканских исследований в Софии (1966)². Опираясь, в основном, на работы Т. Ковальского, Н. К. Дмитриева, Ю. Немета, Г. Хазаи по балкано-турецким диалектам и гагаузскому языку, С. Б. Бернштейн утверждал, в частности, что «ни один из тюркских языков не участвует в „балканском языковом союзе“, так как ни один язык этой группы не содержит в себе балканизмов, ни морфологических, ни синтаксических» (при наличии в лексике и фразеологии балканских языков большого числа турецких заимствований)³.

Если принять во внимание, что никто из тюркологов до настоящего времени специально не занимался вопросом об отношении балкано-тюркских языков к балканскому языковому союзу, то утверждение С. Б. Бернштейна об отсутствии в балкано-тюркских языках морфологических и синтаксических балканизмов представляется несколько преждевременным. Вследствие недостаточной изученности балкано-турецких и гагаузских диалектов, распространенных на Балканском полуострове, и гагаузского языка на территории СССР⁴, усилия тюркологов были направлены, прежде всего, на их описание и диалектную классификацию⁵. Если по гагаузскому языку за последние годы в этом направлении уже проделана основная работа⁶, то балканские диалекты турецкого языка описаны еще далеко не полностью. Очередные задачи в этой области формулируются как дальнейшее описание балкано-турецких диалектов, уточнение их классификации путем составления диалектологического атласа и привлечение

¹ Имеются в виду балкано-турецкие и гагаузские диалекты, так как татарские диалекты существуют на территории Балканского полуострова только со второй половины XIX в. К балканскому языковому союзу принято относить албанский, болгарский, греческий, македонский, румынский и, отчасти, сербскохорватский языки.

² S. B. Bernstein, *Les langues turques de la péninsule des Balkans et d'union des langues balkaniques*, *Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes*, VI — Linguistique, Sofia, 1968.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Гагаузы, живущие в СССР в количестве 157 тысяч человек, в основном, в южных районах Молдавии и Украины, являются потомками переселенцев из северо-восточной Болгарии (конец XVIII — начало XIX в.); на этом основании их язык также может быть отнесен к балканскому ареалу тюркских языков.

⁵ См.: T. Kowalski, *Dialectes turcs-osmanlis*, *«Encyclopédie de l'islam»*, IV, livraison 0, Leiden — Paris, 1931; ег о ж е, *Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est*, Kraków, 1933; J. Németh, *Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens*, Sofia, 1956. В этой области работают также Я. Экман, Г. Хазаи, Ж. Какук, М. Моллова, В. Дрымба, В. Зайончковский, Э. Боев и др.

⁶ См.: Л. А. Покровская, *О состоянии изучения и развитии гагаузского языка*, *«Советская тюркология»*, 1970, 2.

полученного диалектного материала к изучению истории турецкого языка ⁷.

В свете важной исторической роли тюркских языков (особенно турецкого) на Балканах и актуальных задач, стоящих перед балканским языкознанием, становится вполне понятным интерес балканистов к тюркским языкам и попытки их в исследованиях по балканским языкам привлечь тюркский материал, не дожидаясь, пока тюркологи займутся этой проблемой. Так, на основании данных, имеющихся в тюркологической литературе, Т. В. Цивьян попыталась выявить в балкано-турецких диалектах и гагаузском языке общие черты с другими балканскими языками ⁸. Особое ее внимание привлек синтаксис гагаузского языка, подвергшийся сильной «славянизацией», в частности, в отношении порядка слов ⁹. Констатируя совпадение порядка слов в простом предложении гагаузского и других балканских языков, Т. В. Цивьян высказала предположение о возможности существования на всем балканском ареале однотипной конструкции простого предложения, подчеркивая при этом, что «активная интерференция на синтаксическом уровне является основной чертой языковых союзов» ¹⁰. Между тем, тюркологи до настоящего времени отмечали, прежде всего, фонетические, лексические и некоторые морфологические особенности балкано-турецких диалектов, выступающие наиболее ярко как их различительные черты, важные для внутренней классификации этих диалектов. Синтаксические же особенности освещены в диалектологических работах значительно меньше, а иногда и совсем не отмечаются. Однако, как показывают наши наблюдения, «балканская» специфика гагаузского языка и балкано-турецких диалектов проявляется прежде всего на уровне синтаксиса ¹¹.

Одним из основных грамматических признаков балканского языкового союза считается утрата инфинитива балканскими языками и замена его личными формами глагола в конъюнктиве ¹². М. А. Габинский, специально занимающийся этой проблемой, утверждает, что «замена инфинитива конъюнктивом является наиболее эндемичной из всех языковых особенностей, связываемых с Балканами» ¹³.

Эта общепалканская черта, как нам представляется, получила отражение также в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах. Так, при исследовании синтаксиса гагаузского языка нами были выявлены своеобразные подчинительные конструкции, в которых глагол в форме 1 или 2-го лица ед. и мн. числа желательного наклонения или в форме 3-го лица повелительного наклонения выполняет функцию инфинитива. Эти повелительно-желательные формы объединяются в устойчивую парадигму и имеют четко выраженное сослагательное значение, что

⁷ Г. Х а з а н, О некоторых актуальных вопросах исследования балкано-турецких диалектов, «Балканское языкознание», IX, I, София, 1964; е г о ж е, Probleme und Aufgaben der Balkan-Turkologie (Sprachwissenschaft), «Actes...», стр. 95—100.

⁸ Т. В. Ц и в ь я н, Имя существительное в балканских языках, М., 1965, стр. 153—157.

⁹ См. об этом: Н. К. Д м и т р и е в, Гагаузские этюды, в его кн. «Строй тюркских языков», М., 1962, стр. 268 и сл.; Т. Г. К а л ь к и н а - К а л е д и н а, Порядок слов в простом предложении гагаузского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1955.

¹⁰ Т. В. Ц и в ь я н, указ. соч., стр. 157.

¹¹ См.: Л. А. П о к р о в с к а я, Особенности структуры сложноподчиненного бессоюзного предложения в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах, «Советская тюркология», 1971, 4.

¹² См., например: Kr. S a n d f e l d, Linguistique balkanique. Problèmes et résultats, Paris, 1930, стр. 7 и сл.

¹³ М. А. Г а б и н с к и й, Появление и утрата первичного албанского инфинитива, Л., 1970, стр. 156 (к книге приложена обширная библиография по проблеме инфинитива и конъюнктива в балканских языках).

дает основание считать их формами конъюнктива, например, *алайым* «взял бы я», *аласын* «взял бы ты», *алсын* «взял бы он», *алалым* «взяли бы мы», *аласыныз* «взяли бы вы», *алсыннар* «взяли бы они»¹⁴. «Смешанный» характер этой парадигмы объясняется тем, что в гагаузском языке (как и в турецком) форма 3-го лица желательного наклонения (на *-а*, *-ä*) не употребляется, пережиточно сохраняясь лишь в отдельных устойчивых выражениях. Вместо этой утраченной формы употребляется форма 3-го лица повелительного наклонения (на *-сын*, *-син*, *-сун*, *-сүн*), которая приобрела здесь сослагательное значение; для выражения повеления в 3-м лице перед этой формой обычно ставится частица *ко* «пусть» (например, *ко алсын!* «пусть возьмет!», *ко версин!* «пусть даст!»), благодаря чему повелительное наклонение также сохраняет свою парадигму¹⁵.

Инфинитив в гагаузском языке (неизменяемая форма на *-маа*, *-мää*) восходит к форме дат.-направит. падежа имени действия на *-мак*, *-мък*, (*-мак + а > -мага > -маа*), то в время как форма на *-мак*, *-мък* в современном гагаузском языке является именем существительным (ср., например: *йашамак* «жить» и *йашамаа* «жить», *имък* «еда, пища» и *имää* «есть, питаться»). В других юго-западных тюркских языках (турецком, азербайджанском, туркменском) имя действия на *-мак*, *-мек* (в соответствующих фонетических вариантах) выполняет функции инфинитива и при этом принимает аффиксы мн. числа и падежей (кроме родительного), сочетается с послелогами.

В гагаузском языке (разговорном и письменном¹⁶) широко употребительны изъяснительные и целевые конструкции с конъюнктивом в функции инфинитива.

В изъяснительных конструкциях в качестве подчиняющего компонента выступают глаголы волеизъявления, эмоционального состояния и других модальных значений (*verba sentiendi*), а также глаголы речи и мышления (*verba dicendi*). Подчиняющий глагол — первый компонент такой конструкции стоит в изъяснительном наклонении, реже — в форме 2-го лица повелительного наклонения. Вторым компонентом является глагол в конъюнктиве. Он выполняет функцию субъектного инфинитива, так как относится к тому же субъекту действия, что и первый глагол. Примеры: *Кары истарди биркач колачыкк йапсын* (НТ)¹⁷ «Женщина хотела испечь (дословно: чтобы испекла) несколько хлебцев»; *Етии тирмедим бакайым она, йок олду* (БС фольк) «Не успел я посмотреть (дословно: чтобы я посмотрел) на него, (как) он исчез»; *О беенмиз ишини браксын йарым* (БД) «Она не любит бросать свою работу на половине»; *Да оннар да лафедирмишлär, нерде дургунсуннар, нерде чекеттирсиннар күү* (уст. расск.) «И они говорили (о том), где им остановиться, где основать селение»; *Кафадарлар дүйшүмүйшлär шиндän сора бурада йаша-сыннар* (ГФ) «Приятели задумали отныне здесь жить».

¹⁴ Конъюнктив в гагаузском языке может употребляться не только в подчинительных конструкциях, но и самостоятельно, например: разг. *Таа не солейим?* «Что мне еще сказать?»; *Нäпсын!* «Что ему (ей) делать!», *Насыл шинди чалмайым!* «Как мне теперь не петь!»

¹⁵ Подробнее см.: Л. А. Покровская, Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология, М., 1964, стр. 204—207.

¹⁶ Письменность для гагаузского языка введена в 1957 г. в Молдавской ССР.

¹⁷ В статье используются следующие сокращения: БС — «Буджактан сеслär», Кишинев, 1959; БД — «Буджак дан ерлери», гагаузская страница в газете «Ленинское слово» (орган Комратского РК КП МССР и райсовета депутатов трудящихся, 1969—1971 гг.); ГФ — «Гагауз фольклору» (сост. Н. Бабоглу), Кишинев, 1969; ДК — Д. К а р а ч о б а н, Алчак сачак алтында, Кишинев, 1966; НТ — Н. Т а н а с о г л у, Бужак, Бужак..., Кишинев, 1970; разг. — разговорная речь; уст. расск. — устный рассказ; фольк. — фольклор.

В изъяснительных конструкциях с двумя различными субъектами действия глагол в конъюнктиве выполняет функцию *о б ъ е к т н о г о* *и н ф и н и т и в а*. В этом случае первым компонентом данной конструкции может служить только глагол со значением волеизъявления, точнее, побуждения или запрещения совершить действие: ...*йалварды йазсын адреси* (ДК) «попросил (его) написать адрес»; *Да оннары нек зетләрмиш тўркләр, браамазмышлар раат йашасыннар* (уст. расск.) «А их (гагаузов) очень притесняли турки, не давали им спокойно жить».

В качестве первого компонента подчинительных конструкций выступают также имена существительные с модальными значениями волеизъявления, желания, намерения и т. п., сходные по семантике с глаголами группы *verba sentiendi*. Эти конструкции, в сущности изъяснительные, имеют определительный оттенок значения. Второй компонент — глагол в конъюнктиве (форма 3-го лица) выполняет здесь функцию субъектного инфинитива. Примеры: ... *варды неети таманнасын буну* (ДК) «У него было намерение выполнить это»; *Вани Дойковун вармыш кысмети гўрсўн, не о хализдан баалар* (БД) «Ване Дойкову выпало счастье видеть, что такое настоящие виноградники».

Конъюнктив в качестве подчиненного компонента конструкции используется и в тех случаях, когда требуется выразить наличие или отсутствие условий для выполнения действия, возможность, невозможность или необходимость действия. В качестве первого компонента используются безлично-предикативные слова *вар* «есть; имеется», *йок* «нет; не имеется», *лайзым* «необходимо, нужно, должно», которые в прошедшем времени оформляются аффиксами сказуемости *-ды* или *-мыш* (в настоящем времени — нулевая форма сказуемости).

При выражении наличия или отсутствия условий для выполнения действия слова *вар* и *йок* в этих конструкциях сочетаются с вопросительно-относительными местоимениями *не* «что», *ким* «кто» в различных падежных формах или с производными от них наречиями. Примеры: *Калжыба варды не йаздырсын оолуна кенди кахырлары ичин* (ДК) «Калжыбе было что написать сыну о своих горестях» (дословно: «Калжыба имелось что он просил бы написать»); *Бен йокту нерейи гидейим* (уст. расск.) «Мне некуда было идти» (дословно: «Я не было куда пошел бы я»).

В о з м о ж н о с т ь или н е в о з м о ж н о с т ь совершения действия выражается сочетанием слов *вар* и *йок* с местоименным наречием *нижй* (< *не* + *жй*) или *насыл* (< *не асыл*) «как» + личные формы конъюнктива. Примеры: *Пирку ѳлй кучйкмўш, ани ауўсунда вармыш нижй ойнасын* (БС фольк.) «Пирку был такой маленький, что мог бы плясать на ладони»; *Йок насыл алайым!* (БС фольк.) «Не могу я взять!».

Н е о б х о д и м о с т ь совершения действия выражается конструкцией: *лайзым* (отрицательная форма — *дишл лайзым* «не нужно; не должно»: *дишл* стоит в препозиции в отличие от постпозиции в других тюркских языках) + личные формы конъюнктива. Примеры: «*Лайзым,— демийш,— бу бакыры алтын парайлан гўтўреим о адама, ани еви сатты бана*» (БС фольк.) «Надо,— говорит,— мне отнести это ведро с золотыми монетами тому человеку, который продал мне дом»; *Биз лайзым гиделим ишй* (разг.) «Мы должны идти на работу»; ...*дишлди лайзым аданасын, ачан йапамыйжсан* (разг.) «Ты не должен был обещать, раз не сможешь сделать».

В ц е л е в ы х конструкциях первым компонентом служат глаголы со значением движения или другого целенаправленного действия:

а) глагол в конъюнктиве в функции субъектного инфинитива: ... *калкар торбасындан бир парча малай алсын* (НТ) «Поднимается, чтобы взять из котомки кусок кукурузной лепешки»; *Кызлар хепси дышары фырла-*

дыйдылар, баксыннар, не олду (НТ) «Девушки все выскочили из дома посмотреть, что случилось»;

б) глагол в конъюнктиве в функции объектного инфинитива: *Бу кышын биз Михаил Борисовичи йолладык, куллансын хеп геери калаң бригадайы* (БД) «Этой зимой мы направили Михаила Борисовича руководить постоянно отстающей бригадой»; *Не олурса олсун, ама бӑн ону, таа илери йӱренсин, вережӑм* (НТ) «Будь что будет, но я его отдам учиться дальше».

Для того чтобы яснее показать специфику употребления конъюнктива в гагаузском языке, рассмотрим возможности использования повелительно-желательных форм глагола в подчинительных конструкциях (в функции инфинитива) в других тюркских языках. По нашим наблюдениям, повелительно-желательные формы глагола могут употребляться в тюркских языках, в частности — огузской группы, в функции инфинитива в придаточных предложениях *ц е л и*, но при том лишь условии, если предикат главного предложения выражен глаголом движения или другого целенаправленного действия. Придаточное цели обычно присоединяется к главному предложению с помощью союза *ки* (который может опускаться) или союзного слова *дийе* в различных модификациях.

Например, турецк. *Varur Çanakale durmadı ki, çıkaıut* «Пароход в Дарданнелах не остановился, чтоб мне можно было сойти (на берег)»; *Şakir Beye görünmiyeuim diye bısak bısak kaçardım* «Я бежал закоулками, чтобы мне не встретиться с Шакир-беем»¹⁸; азерб. *Бутун куну, кечалари кӗзди ки, озун бир иш тапсын* «Он дни и ночи ходил (по улицам), чтобы найти себе какую-нибудь работу», *Кӗлмишӗм ки, бир гӗдӗр ачыг данышаг* «Я пришел (для того), чтобы поговорить начистоту»¹⁹; туркм. *Достларым, гелдим алысдан, хана арзым айдайын* «Мои друзья, я пришел издалека, (чтобы) сделать хану доклад»²⁰.

Приведенные примеры убеждают в том, что общие для огузско-тюркских языков целевые подчинительные конструкции с повелительно-желательными формами глагола, обладающими способностью выступать в роли инфинитива (при наличии в главной части предложения предиката, выраженного, в основном, глаголом движения), как раз и послужили той конкретной почвой, на которой это явление получило дальнейшее развитие в гагаузском языке под влиянием болгарского и других балканских языков.

В изъяснительных же конструкциях, особенно с одним субъектом действия, насколько нам удалось установить, повелительно-желательные формы глагола в огузско-тюркских языках в функции инфинитива не выступают. В подчинительных конструкциях с двумя субъектами действия такое употребление повелительно-желательных форм все же возможно (в сочетании лишь с отдельными глаголами или именами в главной части предложения); например: турецк. *Sus, sana kim müsaade etti böyle çeneni açasın diye?* «Молчи, кто тебе позволил так разглагольствовать?»; туркм. *Кысमत олмаз, гидем узак ёллара, несип гоймаз, гидем* «Не судьба мне, (чтобы) я ушел в далекий путь; рок не допускает, чтобы я пошел». В гагаузском же языке «замена» инфинитива конъюнктивом распространилась

¹⁸ Турецкие примеры взяты из кн.: А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 542—545.

¹⁹ Азербайджанские примеры взяты из кн.: «Грамматика азербайджанского языка», Баку, 1971, стр. 397—398. Примечательно, что при анализе последнего примера отмечается: «... если это сложноподчиненное предложение превратить в простое, придаточное предложение цели станет членом предложения — обстоятельством цели, выраженным инфинитивом: *Бир гӗдӗр ачыг данышаг учун кӗлмишӗм*» (там же, стр. 397—398).

²⁰ Туркменские примеры взяты из кн. А. П. Поцелуевский, Основы синтаксиса туркменского литературного языка, Ашхабад, 1943, стр. 81.

и на изъяснительные конструкции с одним субъектом действия (ср., например: гаг. *истеерим гидейим*, дословно: «хочу, чтобы я пошел» и турецк. *gitmek istiyorum* «пойти хочу»).

Что касается гагаузских изъяснительных конструкций, выражающих наличие или отсутствие условий для осуществления действия, возможность, невозможность и долженствование (со словами *вар*, *йок*, *лййзым* + глагол в конъюнктиве), то они вообще несвойственны тюркским языкам и представляют собой чуждую для них типологическую модель. Как известно, в огузско-тюркских языках аспект возможности передается сочетанием деепричастия на *-а*, *-el/-ä* с глаголом *билmek* «знать» в служебном значении «мочь» (турецк. *gidebilmek*, азерб. *кэдэ билмэк* «мочь идти»). Форма невозможности в турецком языке выражается аффиксом *-а-та* (*yazamamak* «не мочь писать»), в азербайджанском — сочетанием деепричастия на *-а*, *-э* с глаголом *бил-* в отрицательной форме (*ишлэјэ билмэмэк* «не мочь, не быть в состоянии работать»). Долженствование передается специальным долженствовательным наклонением на *-малы*, *-мели* (турецк. *yazmalıyım* «я должен писать»; азерб. *кэлмелијэм* «я должен придти»).

Подобные формы возможности, невозможности и долженствования имеются и в гагаузском языке, например: *алабилмйй* «мочь взять», *аламамая* «не мочь взять», *гитмели бйн* «я должен пойти, идти». Однако эти формы имеют весьма ограниченное употребление (особенно долженствовательная форма на *-малы*, *-мели*, являющаяся рудиментарной в современном гагаузском языке) и активно вытесняются аналитическими конструкциями с конъюнктивом. Каковы же причины образования и «внедрения» этих конструкций при наличии в гагаузском языке исконно тюркских грамматических средств для выражения модальных значений возможности, невозможности действия и долженствования? Дело в том, что в конструкциях такого типа конъюнктив также выступает в функции инфинитива, как и в других балканских языках. Ср., например: болг. *мбга да пйша* «могу писать», *мбжеш да пйшеш* «можешь писать» и т. д.²¹ *Не можэх да дбйда* «я не мог придти»; *Tu trяbеа да му кжжеш* «ты должен ему сказать»²²; рум. *Sunt sigur cа tanti Matilda n-ar şti să-mi răspundă* «Я уверен, что тетя Матильда не смогла бы ответить»; *trebuie să plec* «мне нужно уйти»²³.

Гагаузские конструкции с конъюнктивом, выражающие наличие или отсутствие условий для осуществления действия, также созданы, очевидно, по соответствующей модели балканских языков. В огузско-тюркских языках эти значения выражаются с помощью причастно-именных конструкций, т. е. типологически совершенно иначе. Ср., например: турецк. *oturacağı yer yok* «ему некуда сесть»²⁴ (дословно: «для его будущего сидения места нет») и гаг. *йок нйанда отурсун* (дословно: «нет где он сел бы»). Отметим попутно, что глагольные имена на *-дык* и *-ајжак*, столь употребительные в турецком языке, в гагаузском почти совсем вышли из употребления и заменились конструкциями с личными формами глагола.

Таким образом, в гагаузском языке, в отличие от других огузско-тюркских языков, конъюнктив (а по происхождению — повелительно-желательные формы глагола) употребляется в функции инфинитива не только в целевых, но и в изъяснительных конструкциях с одним субъектом действия. Наряду с этим конъюнктив в гагаузском языке сохраняет свое «тюркское» употребление и не в функции инфинитива, в частности, как

²¹ Ю. С. Маслов, Очерк болгарской грамматики, М., 1966, стр. 260.

²² С. Чукалов, Български-руски речник, София, 1957, стр. 394, 908.

²³ Р. А. Будагов, Этюды по синтаксису румынского языка, М., 1958, стр. 111—112.

²⁴ Д. А. Магазаник, М. С. Михайлов, Русско-турецкий словарь, М., 1946, стр. 164.

предикат дополнительных и целевых придаточных предложений, когда предикат главного предложения не допускает сочетания с инфинитивом, например, *Нянда гөрмүйшүн, кызлар коркулу ерлерд гитсиннәр, трактор хайдасыннар?* (НТ) «Где ты видел, чтобы девушки шли в опасные места, чтобы управляли трактором?» (придаточное дополнительное); *Ондан башка, ани кызчаз алдансын дейни, йола о еклеер чок гөзйл бонжуклар* (БС фольк.) «Кроме того, чтобы девушка обманулась, на дорогу он насыпал очень красивые бусинки» (придаточное цели с союзом *ани* и союзным словом *дейни* одновременно).

Как известно, в балканских языках конъюнктив выступает в функции инфинитива, частично или полностью утраченного. В гагаузском же языке конъюнктив выполняет функцию инфинитива при наличии и активном употреблении последнего. В одном тексте или в речи одного лица часто можно встретить синонимичные конструкции с конъюнктивом и инфинитивом. Особенно показательной в этом отношении является сочетаемость глагола *истемай* «хотеть»: *истеерим аннадыйм* и *истеерим аннатмаа* «хочу рассказать». Конструкции с формами конъюктива и инфинитива, образованными от одной и той же глагольной основы, могут встретиться даже в пределах одного предложения, например: *Биз достларымыза чок йардым едериз, куртулсуннар ески геери калмактан, куртулмаа империализманын тюрлү бүйүнтүлериндән* (БД) «Мы много помогаем нашим друзьям, чтобы они избавились от прежней отсталости, [помогаем] избавиться от пережитков империализма».

Практически во всех случаях, когда конъюнктив выполняет функцию инфинитива, он может быть свободно заменен инфинитивом на *-маа*, *-мйй*. Некоторые исключения составляют лишь конструкции со словами *вар*, *йок*, *лййзым*, так как замена конъюктива инфинитивом превращает их в безличные. Ср., например: *вар нийжй бакасын* «ты можешь посмотреть» (дословно: «можно, чтобы ты посмотрел») и *вар нийжй бакмаа* «можно посмотреть»; *лййзым гиделим кыра* «мы должны идти в поле» (дословно: «нужно, чтобы мы пошли в поле») и *лййзым кыра гитмйй* «нужно идти в поле».

Однако в языке вырабатываются, вероятно, под влиянием русского языка как бы «переходные» конструкции, в которых становится возможной замена конъюктива инфинитивом при сохранении указания на действующее лицо. Это достигается постановкой субъекта действия в дат. падеже, например, *Анасына йалныз зоорду беш ушаа бүйүтсүн* (= *бүйүтмйй*) (БД) «Ее матери было трудно одной растить (дословно: чтобы она растила) пятерых детей»; *Варды оннара икисинй, не лафетсиннәр* (= *лафетмйй*) (НТ) «Им обоим было о чем поговорить» (дословно: «поговорили бы они»).

Употребление в современном гагаузском языке конъюктива в функции инфинитива в подчинительных конструкциях при равной возможности использования конструкций с инфинитивом на *-маа*, *-мйй* объясняется, по нашему убеждению, тем, что образование этих двух моделей конструкций относится к различным историческим периодам развития гагаузского языка. «Балканские» конструкции с конъюнктивом в роли инфинитива сложились и закрепились в гагаузском языке не позднее XVII—XVIII вв., т. е. до переселения гагаузов в Бессарабию. Эти конструкции полностью вытеснили в гагаузском языке типично «тюркские» конструкции с инфинитивом на *-мак*, *-мек/-мйк*, который поэтому утратил свои свойства инфинитива и преобразовался в отглагольное имя существительное. «Вторичный» же инфинитив на *-маа*, *-мйй*, прежде употреблявшийся лишь как форма дат. падежа инфинитива на *-мак*, *-мек/-мйк*, в частности, с глаголами «начинания» (например, *ааламаа башлады* «начала плакать»), приобрел все свойства и функции «полноценного» инфинитива уже позже,

в процессе контактов гагаузского с русским языком, которые начались с XIX в. и продолжаются по настоящее время. В гагаузском языке как бы столкнулись две противоположные тенденции: более ранняя балканская тенденция вытеснения конъюнктивом огузско-тюркского инфинитива на *-мак*, *-мек* и более позднее явление — замена конъюнктива в той же функции «вторичным» гагаузским инфинитивом на *-маа*, *-мӓӓ*. Сохранение до сего времени «балканских» конструкций с конъюнктивом, по-видимому, поддерживается контактами гагаузского с молдавским языком, в котором также отмечается «балканское» употребление конъюнктива в функции инфинитива²⁵. Интересно отметить, что в говорах гагаузов, переселившихся в Казахстан в начале XX в., «балканские» подчинительные конструкции с конъюнктивом уже полностью заменены синонимичными сочетаниями глагола с инфинитивом на *-маа*, *-мӓӓ*²⁶.

Об употреблении конъюнктива в функции инфинитива в гагаузских говорах северо-восточной Болгарии можно судить по работам А. Манова и В. Зайончковского²⁷. В фольклорных текстах, записанных этими авторами, подчинительные конструкции с конъюнктивом в роли инфинитива — частое явление, например, *истемишлӓр ону гӓвее йапсыннар*²⁸ (AM) «Хотели сделать его зятем»; *йокмуш киме браксын тахтына* (AM) «Некому было оставить свой престол»; *ӓрашӓfor tutsun гӓнӓн шафкӓнӓ* (WZ) «старается поймать солнечный луч»; *лӓзимдӓр гелесӓн* (WZ) «нужно, чтобы ты пришел». Вместе с тем, в записях В. Зайончковского встречается и употребление «первичного» инфинитива на *-мак*, *-мек*, например: *dӓnmek istemiш Sah Ismaile dӓru* «хотела повернуться к Шаху Исмаилу»; *o babaґa ne jpmak лӓзимдӓр?* «Что надо сделать такому отцу?».

Бессоюзные подчинительные конструкции с повелительно-желательными формами глагола (вместо инфинитива на *-мак*, *-мек* или конструкций с союзным словом *diye*) отмечены в ряде балкано-турецких диалектов и говоров. Впервые их зафиксировала Ж. Какук в турецком говоре Кюстендила и Михайловграда (западная Болгария)²⁹. Отмечая, что конструкции такого типа особенно часто употребляются с глаголами *istemek*, *başlamak*, *beklemek*, *demek*, *söylemek*, Ж. Какук считает, что они распространились в говорах немногочисленного турецкого населения западной Болгарии, несомненно, под влиянием болгарского языка. Ю. Немет, подчеркивая, что болгарский язык оказал особенно заметное влияние на оформление сложных предложений в диалекте турок Видина (северо-западная Болгария), также приводит подобные конструкции³⁰. В. Г. Гузев считает такие конструкции в турецком говоре села Крепча (северо-восточная Болгария) кальками с болгарских фраз³¹. Специфическое употреб-

²⁵ См.: А. И. Чобану, Конъюнктив и его употребление в предикативных синтагмах в современном молдавском литературном языке. Автореф. канд. диссерт., Кишинев, 1960, стр. 3.

²⁶ См.: А. С. Аманжолов, Гагаузские фольклорные тексты, записанные в Семпалатинской области, «Казахская диалектология», I, Алма-Ата, 1965, стр. 234—246.

²⁷ А. И. Манов, Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. В две части, Варна, 1938 (далее — AM), стр. 144—154; Wł. Zajączkowski, Język i folklor gagauzów z Bulgarii, Kraków, 1966 (далее — WZ), стр. 109—113.

²⁸ В целях удобства чтения сложная графика, используемая А. Мановым, заменена здесь буквами современного гагаузского алфавита.

²⁹ См.: S. K a k u k, Constructions hypotactiques dans le dialecte turc de la Bulgarie Occidentale, «Acta Orient. Hung.», XI, 1—3, Budapest, 1960: e e ж e, Die türkische Mundart von Küstendil und Michailowgrad, «Acta Linguist. Hung.», XI, 3—4, Budapest, 1961, стр. 318—319.

³⁰ J. N é m e t h, Die Türken von Vidin. Sprache, Folklore, Religion, Budapest, 1965, стр. 97—111.

³¹ В. Г. Гузев, Описание турецкого говора села Крепча Тырговиштенского округа в Болгарии, «Балканско езикознание», V, 2, София, 1962, стр. 79.

ление форм императива-оптатива, аналогичное использованию в болгарском языке конструкции типа «частица *da* + личная форма глагола», отмечают в западнородопских турецких говорах Р. Моллов и М. Моллова³².

В других балкано-турецких диалектах и говорах исследователи не выделяют интересующих нас конструкций. Тем не менее в фольклорных записях турецкого говора с. Куманова (Македония) их все же удалось обнаружить, например: *lâkin at korkay yaklaşsın, su içsin* «Но конь боится подойти напиться воды»; *onlar başlarlar kessinlar kavagi* «Они начинают рубить тополь»; *bilmey ne yapsın* «Не знает, что ей делать»; *ben da g'eldim seni alayım* «А я пришел, (чтобы) взять тебя (замуж)»³³.

В статье М. Мансуроглу о турецком диалекте Эдирне (западная Турция) во фразе *Ister, gelsin burā* «хочет придти сюда» отмечается инверсия в порядке слов по сравнению с турецким литературным языком (*Buraya gelmek ister*)³⁴, однако осталось незамеченным принципиальное различие в оформлении подчиненного компонента данной фразы в диалекте Эдирне и турецком литературном языке.

Таким образом, употребление бессоюзных подчинительных конструкций с конъюнктивом в функции инфинитива засвидетельствовано в ряде западных и восточных (по классификации Ю. Немета) балкано-турецких диалектов. В гагаузском же языке на территории Молдавской ССР, Украинской ССР и в северо-восточной Болгарии эти конструкции распространены повсеместно. Различия в употреблении данных конструкций в балкано-турецких диалектах, с одной стороны, и в гагаузском языке, с другой, состоят, по нашим наблюдениям, в следующем: в балкано-турецких диалектах замена инфинитива на *-мак*, *-мек* конъюнктивом распространилась даже на глаголы, обозначающие начало действия (*başlamak* и др.). В гагаузском же языке с глаголами этой группы обычно употребляется вторичный инфинитив илишь в единичных случаях наблюдается употребление конъюнктива после глаголов с «начинательным» значением, например, *Сора тутунэр аулун ичиндä бир пынар казсын* (БС фольк.) «Потом он принимается рыть колодец во дворе». Однако в то же время в балкано-турецких диалектах, в отличие от гагаузского языка, не отмечены конструкции с конъюнктивом, выражающие возможность и невозможность действия (типа *вар нижä/йок нижä* + конъюнктив).

В целом же рассмотренное выше употребление конъюнктива в функции инфинитива в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах представляет собой специфическое явление, получившее развитие под влиянием балканских языков.

³² R. M o l l o v, M. M o l l o v a, Parlers turcs des Rhodopes de l'ouest au point de vue slavistique, «Linguistique balkanique», XI, 1, Sofia, 1966, стр. 126.

³³ J. E c h m a n n, Kumanova (Makedonya) türk ağzı, «Németh armağanı», Ankara, 1962, стр. 130—142.

³⁴ M. M a n s u r o ğ l u, Edirne ağzında yapı, anlam, deyim ve söz dizimi özellikleri, «Türk dili araştırmaları yılığı belleten», Ankara, 1960, стр. 187.